

ПИСАРЕВ Дмитрий Алексеевич – аспирант Дипломатической академии МИД РФ (119992, Россия, г. Москва, ул. Остоженка, 53/2)

ОСОБЕННОСТИ ГЕРМАНСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ОТНОШЕНИЙ С РОССИЕЙ

Аннотация. В статье проводится анализ динамики эволюции подходов внешней политики ФРГ к отношениям с Россией в период канцлерства Ангелы Меркель. Особое внимание уделяется анализу влияния на «восточную политику» Германии общих стратегических подходов Запада к отношениям с Россией. Показываются основные принципы и цели, которыми руководствуется российское направление современной внешней политики Германии.

Ключевые слова: германо-российские отношения, «восточная политика» Германии, европейская политика соседства, европейская безопасность, Европейский союз, НАТО, принципы, права человека, демократия

Говоря о концептуальных подходах внешней политики ФРГ к отношениям с Россией в период канцлерства А. Меркель, важно учитывать встроенность современной Германии в евро-атлантическую систему безопасности, что подразумевает наличие общей стратегической культуры. В этой связи так называемая восточная политика Германии, отражая национальные интересы страны, тем не менее, следует в фарватере общеполитического курса Запада по отношению к России. В свою очередь, каждый глава правительства ФРГ, не отказываясь от преемственности политики своих предшественников, вносит в «восточную политику» новые элементы, отражающие изменения, происходящие в Европе, мире, ЕС и в расстановке политических сил в самом немецком государстве. Говоря о так называемом восточном направлении внешней политики ФРГ в период канцлерства А. Меркель, важно учитывать тот политический багаж, который новый канцлер унаследовала от своих предшественников. Эволюция «восточной политики» современной Германии обуславливается также и изменениями во внешней и внутренней политике России. Период канцлерства Ангелы Меркель в этом отношении не является исключением.

В предшествующий период Г. Шредер, отталкиваясь от общеевропейских реалий, фактически сделал ставку на развитие сотрудничества с Россией на двусторонней основе, одновременно на уровне официальной риторики позиционируя свою политику как интегральную часть общеевропейского подхода. В опубликованной им в апреле 2001 г. статье под названием «Немецкая политика в отношении России – европейская восточная политика», канцлер ФРГ указывал на то, что без России невозможно себе представить единую Европу. Тем не менее важным концептуальным посылом стало предъявление весьма жестких требований к российской стороне: безотлагательное вхождение России в «сообщество ценностей», выполнение взятых на себя международных обязательств, осуществление внутренних реформ в целях формирования правового государства и благоприятного инвестиционного климата¹.

Данный подход нашел свое продолжение и с началом канцлерства А. Меркель. Так, на своей первой встрече с президентом РФ В.В. Путиным в январе 2006 г. в Москве, новый канцлер ФРГ подтвердила курс на «стратегическое партнерство» во взаимоотношениях двух стран, о чем еще в июне 2000 г. договорились российский президент и федеральный канцлер Герхард

¹ Schroder G. Deutsche Russlandpolitik-europäische Ostpolitik. – *Die Zeit*. 2001. URL: zeit.de/2001/15/Deutsche_Russlandpolitik_-_eurjheische_Ostpolitik (accessed 09.01.2018).

Шредер¹. Эта договоренность соответствовала общеполитическому курсу Европейского союза, нацеленному на выстраивание «стратегического партнерства» с Россией и заявленному в Коллективной стратегии Европейского союза по отношению к России, утвержденной Европейским советом на своей сессии в июне 1999 г. в Кельне². Позднее «стратегическое партнерство» было дополнено новым содержанием за счет концепции совместного строительства ЕС и РФ четырех общих пространств: общего экономического пространства, общего пространства свободы, безопасности и правосудия, общего пространства внешней безопасности, общего пространства науки и образования, включая культурные аспекты [Бордачев 2009: 265–283]. Данный концепт нашел свое окончательное оформление в рамках дорожных карт, подписанных Россией и ЕС в 2005 г.³

В этой связи с учетом общеевропейского подхода важно отметить, что А. Меркель привнесла в концептуальные основы немецкой политики на российском направлении усиление значимости строительства стабильной демократии «на основе европейских ценностей, но с учетом российских собственных традиций»⁴. Таким образом, если при канцлере Шредере германо-российское партнерство опиралось на общие интересы, и Германия закрывала глаза на многое из того, что происходило во внутренней политике РФ, то А. Меркель под давлением ХДС/ХСС и СДПГ исходила из того, что без уважения обеими сторонами общедемократических и либеральных ценностей сотрудничество между двумя странами не может быть устойчивым⁵.

Важно отметить и то, что упор Ангелы Меркель на общедемократические и либеральные ценности как фундамент взаимоотношений ФРГ и РФ следовал в русле стратегической линии Запада по развитию отношений с Россией. Как отмечал госсекретарь США Колин Пауэлл, «способность политического руководства различных стран к взаимному сотрудничеству на основе доверия и общих интересов может быть обеспечена только при условии наличия общих ценностей, принимаемых и разделяемых их обществами»⁶. Немецкая интерпретация данного подхода в отношении России априори подразумевала то, что оба государства могут успешно взаимодействовать при решении внешнеполитических вопросов и проблем безопасности только при условии разделения ими общих ценностей. При этом в Берлине полагали, что «общие ценности», которые должны разделять Германия и Россия, подразумевают западные ценности и принципы и Москва должна их безоговорочно принять. Последнее рассматривалось политическим руководством ФРГ, и прежде всего А. Меркель, в качестве важнейшего базового условия для установления в России долгосрочных рыночных отношений, без которых немыслимо дальнейшее развитие страны. Западные ценности, в случае если бы они были приняты Россией,

¹ Meier C., Timmermann H. Nach dem 11 September: Ein neues deutsch-russisches Verhältnis? – *SWP Aktuell*. 22/2001. S. 5. URL: www.swp-berlin.org (accessed 09.01.2018).

² Коллективная стратегия Европейского Союза по отношению к России. Брюссель, 1999.

³ Дорожная карта по общему экономическому пространству. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml> (проверено 05.01.2018); Дорожная карта по общему пространству свободы, безопасности и правосудия. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml> (проверено 05.01.2018); Дорожная карта по общему пространству внешней безопасности. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml> (проверено 05.01.2018); Дорожная карта по общему пространству науки и образования, включая культурные аспекты. Доступ: <http://archive.kremlin.ru/events/detail/2005/05/87950.shtml> (проверено 05.01.2018).

⁴ Interview mit Bundesausenminister Steinmeier im RBV-Infradio. 14.10.2006.

⁵ Spanger H.-J. Paradoxe Kontinuitäten. Die deutsche Russlandpolitik und die koalitionen Farbenlehren. – *HSFK-Report*. 12/2006. S. 13. URL: www.hsfk.de (accessed 08.01.2018).

⁶ Gastbeitrag von Colin Powell in «Izvestija» vom 26.12.2006. Modernisierung contra Demokratisierung: Putins russischer Weg. – *HSFK-Report*. 12/2006. S. 34. URL: www.hsfk.de. (accessed 08.01.2018).

явились бы важнейшей предпосылкой для развития малого и среднего бизнеса в Российской Федерации, создавали бы совершенно новую экономическую среду, в чем был крайне заинтересован немецкий бизнес [Gotz 2006].

И все же, несмотря на очевидную приверженность нормативистскому подходу при проведении немецкой внешней политики, А. Меркель не отказалась от попыток включить Россию в европейскую систему безопасности. На это и была направлена предложенная германской стороной так называемая Мезебергская инициатива. Следует отметить, что эта инициатива была выдвинута А. Меркель без предварительного согласования с другими странами – членами ЕС, хотя и шла в русле концепции Европейского союза по стабилизации положения в Молдове [Ремлер 2011]. Это объясняется тем, что на данном этапе Берлин все еще надеялся на достижение прорыва в осуществлении интеграции России в европейское политическое сообщество, но на условиях ЕС. Как справедливо отмечает российский политолог А.В. Девятков, «в этом контексте Мезебергская инициатива была реакцией на предложение России подписать новый договор о европейской системе безопасности, попыткой поддержать этот шаг в условиях недоверия к нему со стороны многих членов ЕС, появившегося в связи российско-грузинской войной» [Девятков 2013]. Но это вовсе не означало, что Германия в рамках Мезебергской инициативы выступала в качестве выразителя интересов России. На этот аспект ее «восточной политики» повлияла отнюдь не готовность выступить в качестве защитника интересов РФ, а очень сильные настроения антимилитаризма и изоляционизма в немецком обществе, с которыми правительство А. Меркель не могло не считаться. С учетом уроков истории и своего геополитического положения Германия опасалась вновь оказаться в центре конфликта между Россией и Западом.

Мезебергская инициатива 2010 г. стала последней попыткой Германии интегрировать Россию в систему европейской безопасности на условиях ЕС. В дальнейшем Берлин стал рассматривать Москву как важного партнера, но расположенного за пределами единой Европы наряду с Китаем, Индией, Бразилией [Девятков 2013]. Таким образом, к началу второго срока канцлерства А. Меркель, «восточная политика» Германии все более начала руководствоваться общими установками западного сообщества, и прежде всего ЕС. В этой связи важно принимать во внимание активную роль стран так называемой новой Европы при формировании общеевропейской политики и их влияние на эволюцию «восточной политики» ФРГ. Наиболее отчетливо это стало проявляться в осуществлении программы «Восточное партнерство», инициированной Польшей и Швецией и одобренной затем Европейским союзом. Берлин активно поддерживает эту программу.

Следует отметить, что нормативистский подход к сотрудничеству с Россией продолжает оставаться важным элементом немецкой концепции *Ostpolitik* на протяжении всего периода канцлерства А. Меркель вплоть до сегодняшнего дня. Это предполагает, что внешняя и внутренняя политика государства должна опираться на либеральные ценности. С точки зрения немецкой политической элиты, Россия и Германия придерживаются разных ценностных ориентиров. Современный немецкий политический истеблишмент видит в действиях Москвы опасный вызов как для западного мира, так и для ФРГ, интерпретируя внешнюю политику России как стратегию, ориентированную на воссоздание в том или ином виде Советского Союза и переформатирование как мирового, так и европейского миропорядка [Schroder 2016]¹. По словам известного немецкого

¹ Interview mit Russland-Experten «Merkel hängt am seidenen Faden»: Wie Putin jetzt die Kanzlerin stürzen will // Fokus. 01/02/2016/ URL: fokus.de/politik/deutschland/hybrider-angriff-aus-russland-merkel-haengt-am-seidenen-faden (accessed 10.01.2018); W. Ischinger. Eine Aufgabe für Generationen. – *Internationale Politik*. 2015. No. 1. S. 34.

политолога А. Рапа, «Россия и Запад придерживаются разных мировоззрений. Запад давно живет в постхристианском мире, в то время как Россия пытается развиваться в духе неоконсерватизма» [Рап 2016].

Однако главное, что определяет отношения России и Запада (и, соответственно, Германии как части западного мира), заключается в том, что Запад считает себя вправе экспортировать идеи либеральной революции по всему миру, применяя для этого любые средства, в т.ч. и силу, не останавливаясь перед вмешательством во внутренние дела других государств, подрывом государственного суверенитета. На этом фоне внешнеполитический инструментарий Германии, связанный с отношениями с Россией, развивающийся на базе нормативистского подхода, в большей мере по сравнению с другими ведущими игроками западного сообщества ориентирован на использование «мягкой силы» для «превращения России в демократическое государство» [Рап 2016]. Представители гражданских сил Германии готовы помочь российскому гражданскому обществу играть роль влиятельного политического фактора, что по вполне понятным причинам встречает решительное неприятие со стороны Российского государства. И это явилось одной из причин усиления отчуждения между двумя странами, что стало отличительной чертой немецкой «восточной политики» на протяжении всего пребывания А. Меркель у власти в ФРГ.

Победа В.В. Путина на президентских выборах в России в 2012 г. на Западе целом, и в т.ч. в Германии, была встречена неодобрительно. Как отмечает хорошо информированный А. Рап, «в руководстве Германии ставку сделали на более либерального Дмитрия Медведева» [Рап 2016]. Западные, в т.ч. и немецкие, интеллектуалы начали считать «авторитарный режим Путина» нелегитимным [Рап 2016]. Демонстративный отказ лидеров европейских стран, в т.ч. и А. Меркель, от участия в открытии и закрытии Олимпийских игр в Сочи представлял собой выражение неудовлетворенности тем внутри- и внешнеполитическим курсом, к проведению которого приступил вновь избранный российский президент. В этой связи вполне обоснованным выглядит вывод, что с 2012 г. уровень доверия и взаимопонимания между лидерами России и Германии начинает быстро падать. В Германии пересматривают концепцию отношений с Россией. Берлин отказывается от планов строительства «общеевропейского дома» совместно с Россией и делает ставку на Украину и другие страны Восточной Европы. Среди немецких журналистов и политологов становится популярным утверждение, что «германо-российские отношения вступают в новый ледниковый период»¹. В ноябре 2012 г. бундестаг принимает резолюцию, содержащую резкую критику проводимой в России внутренней политики, и в первую очередь тех ее аспектов, которые были связаны с нарушением политических прав и свобод российских граждан².

Таким образом, с началом 2012 г. центр тяжести в германо-российских отношениях окончательно перемещается с вопросов экономического сотрудничества и бизнеса в область утверждения в России либеральных свобод. Именно это направление политики Германии выходит на первый план, отодвигая в тень решение задач модернизации Российского государства и его экономики. Так, в январе 2013 г. министр иностранных дел ФРГ Г. Вестервелле предупредил российское правительство, что принятие Госдумой закона, ограничивающего сво-

¹ Kramer D., Shevtsova L. Germany and Russia: End of Ostpolitik? — *American Interest*. 2012. No. 13. Nov.; Neukirh R., Shepp M. 2012. Chilly peace: German-Russian Relations Enter a New Ice Age. — *Spiegel Online*. 30 May. URL: <http://www.spiegel.de/international/germany/german-and-russian-relations-are-at-an-impasse-a-835862.html> (accessed 11.01.2018).

² Resentment strains German-Russian relations. — *Deutsche Welle*. 17 Nov. 2012. URL: <http://www.dw.com/en/resentment-strains-german-russian-relation/a-16382648> (accessed 11.01. 2018).

боду российских геев, будет иметь негативные последствия для германо-российских отношений¹. Не отказываясь в принципе от партнерства с Россией, как это было сказано в совместном соглашении между ХДС и СДПГ (2012 г.), немецкие политики прямо заявили, что «двусторонние отношения будут зависеть от уровня развития демократии в России»².

Украинский кризис, разразившийся в конце 2013 г., создал новую ситуацию в российско-германских отношениях. Берлин начал адаптацию принципов и целей своей *Ostpolitik* в условиях начавшейся новой «холодной войны» между Россией и Западом. Иначе говоря, Германии нужно было определиться со своей политикой в отношении России, скорректировать ее концептуальные основы. Как пишет британский политолог Томас Форсберг (*Thomas Forsberg*), немецкие политики должны были ответить на два вопроса: может ли Германия, будучи частью коллективного Запада, иметь особые отношения с Россией в новых геополитических реалиях, и готова ли она принять против нее жесткие репрессивные меры «за нарушение принципов международного права, или можно ограничиться вербальными увещаниями без применения дубинки?»³ В ответах на эти вопросы, очевидно, победила та часть немецкого политического истеблишмента во главе с канцлером А. Меркель, которая выступила за введение жестких санкций в ответ на действия России на Украине. Вместе с тем и сама канцлерин, и большая часть немецких политиков считали необходимым продолжать развивать партнерство с Россией, не прерывать с ней диалог и деловое сотрудничество⁴. Такой подход к России позднее приобрел вид четкой политической формулы: «сдерживание и диалог»⁵, которая выступила как основной принцип политики Запада, в т.ч. и Германии, в отношении РФ в условиях «холодной войны». В утвержденной в 2016 г. Глобальной стратегии внешней политики и политики в области безопасности Европейского союза говорится, что ЕС «не признает незаконную аннексию Крыма Россией и не примет ее политику дестабилизации Восточной Украины»⁶. В то же время, как отмечается в документе, Россия и ЕС «взаимосвязаны»⁷. Поэтому «мы будем совместно с Россией обсуждать наши разногласия и сотрудничать там, где наши интересы совпадают»⁸. Очевидно, это положение будет определять и содержание политики Германии по отношению к России на ближайшие годы.

Анализ эволюции концепции «восточной политики» Германии во время канцлерства А. Меркель показывает, что к началу своего четвертого срока она отказалась, по существу, от выстраивания особых отношений с Россией и ориентируется на длительную и многоплановую конфронтацию с ней. Такое изменение качественного содержания германской «восточной политики» обусловлено не давлением со стороны США, а является следствием трансформации германской внешней политики и отношений РФ с Европейским союзом. Украинский кризис вскрыл нараставшие в российско-германских отношениях противоречия, вывел их наружу. Поэтому он не может рассматриваться в качестве при-

¹ Weiland S. German Foreign Minister criticizes Russian legislation. — *Der Spiegel*. 2013. 29 Jan.

² Manteufel I. German Russia Policy to Be Realigned. — *Deutsche Welle*. 2013. 29 Nov. URL: <http://www.dw.de/german-russia-policy-to-be-realigned/a-17262166> (accessed 11.01.2018).

³ www.chathamhouse.org/INTA92_1_02_Forsberg.pdf

⁴ Merkel will enge Partnerschaft mit Russland «fortsetzen». — *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. 16 May. 2014. URL: <http://www.faz.net/aktuell/politik/inland/die-kanzlerin-in-der-f-a-z-merkel-will-enge-partnerschaft-mit-russland-fortsetzen-12941420.html> (accessed 11.01.2018).

⁵ Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy. URL: www.europa.eu.int (accessed 20.10.2017).

⁶ Ibid.

⁷ Ibid.

⁸ Ibid.

чины роста напряженности между двумя странами, а также между РФ и ЕС. Напротив, он сам есть в значительной мере результат тех негативных процессов, которые определяли их взаимоотношения в последние годы. Германороссийское стратегическое партнерство строилось Берлином на основе предположения, что Россия согласится играть роль младшего партнера ЕС, впишется в его систему отношений с внешним миром на правах периферии, хотя может быть и менее зависимой от Брюсселя по сравнению с странами, входящими в орбиту «восточного партнерства». В Берлине рассчитывали, что Москва согласится понимать под Европой Европейский союз, в котором существует один формальный политический центр — Брюссель и другой, фактический, — Берлин. Но украинский кризис все эти расчеты разрушил. Для Германии стало очевидным, что Россия предпочитает играть по своим правилам и с этим необходимо считаться. Кроме того, Берлин активно добивался включения новых независимых государств в орбиту влияния ЕС, рассчитывая таким образом укрепить свои лидерские позиции в нем. Но украинский кризис убедительно показал, что в этом вопросе интересы двух стран сталкиваются и на постсоветском пространстве они выступают в качестве геополитических соперников. Отказ от германороссийского стратегического партнерства, иначе говоря, пересмотр принципиальных положений «восточной политики», вызван также и переосмыслением немецкой политической элитой роли и места Германии в Европе. Берлин постепенно, но уверенно занимает лидирующие позиции на европейском континенте и в ЕС [Steinmeier 2016]. Ситуация складывается таким образом, что сейчас только Германия реально может выступать в роли локомотива европейской политической и экономической интеграции. Других претендентов просто не имеется. Франция погрязла в решении своих внутренних проблем, Великобритания выходит из Европейского союза. Реально остается только одна Германия, в силу своего экономического и политического потенциала способная быть европейским лидером. И хотя в немецком обществе ощущается сильное сопротивление такому направлению германской внешней политики, тем не менее германский политический истеблишмент и бизнес готовы согласиться с этой ролью, т.к., по их мнению, она на данном этапе политического и экономического развития континента отвечает интересам страны.

Итак, на протяжении всего периода канцлерства А. Меркель процесс усиления влияния Брюсселя на внешнюю политику Германии в целом и на ее российский вектор в частности неуклонно усиливался. Итогом этого усиления стала фактическая трансформация двусторонних политических отношений России и Германии в одномерное, линейное взаимодействие между Россией и Западом (на европейском пространстве это линия Москва — Брюссель). Подходы немецкой внешней политики к выстраиванию политических отношений с Россией обуславливались, прежде всего, плотной встроенностью Германии в евро-атлантические структуры безопасности — ЕС и НАТО. Эта объективная данность обналачивалась в ходе политического взаимодействия Москвы и Берлина по целому ряду ключевых проблем европейской безопасности. С учетом этого основополагающего фактора, несмотря на большую склонность Германии по сравнению с другими ключевыми западными странами к диалоговому методу ведения внешней политики, можно говорить о принципиальной разнице в подходах России и Германии как к принципам функционирования, так и к архитектуре европейской системы безопасности. События на Украине, равно как и плотная вовлеченность Москвы и Берлина в процесс их урегулирования, позволяют выделить еще ряд факторов, оказывающих ощутимое негативное влияние на динамику политических отношений России и Германии. Среди них, во-первых, конфликт геополитических интересов двух

стран, объектом которого выступает Украина. Во-вторых, активная вовлеченность Германии в политическое урегулирование украинского кризиса свидетельствует о повышении удельного веса Германии в евро-атлантических структурах безопасности. Именно Германия становится ключевым проводником конфронтационной стратегии Запада в отношении России. В-третьих, рассмотрение российско-германских отношений через призму украинского кризиса позволяет выделить еще один фактор, оказывающий хотя и косвенное, но, тем не менее, ощутимое негативное влияние на динамику двусторонних политических отношений. Речь идет об усилении взаимодействия Германии и Польши в украинском сегменте восточноевропейского вектора европейской политики соседства. Украинский кризис стал катализатором новой «перезагрузки» германо-польской грани Веймарского треугольника. И хотя в дальнейшем германская дипломатия в качестве ключевого инструментария решения украинского кризиса сделала ставку на «нормандский формат», в котором Польша не была представлена, тем не менее важность германо-польского взаимодействия по Украине сохранило свою важность для Берлина. Последнее обусловлено объективным совпадением политических интересов Берлина и Варшавы в отношении Украины и необходимостью сдерживания России. Подобная общность позиций не только затрудняет нормализацию ситуации на Украине, но и оказывает дополнительную нагрузку на российско-германские отношения.

Есть ли выход из сложившегося «диалогового тупика» Москвы и Берлина в свете современных политических и геополитических реалий? Определенные надежды дает сфера экономического сотрудничества. Так, несмотря на противодействие строительству «Северного потока-2» со стороны как Украины, так и отдельных европейских стран, поддерживаемых Брюсселем и Вашингтоном, Германия последовательно оказывает поддержку этому проекту. В данном случае германская поддержка «Северного потока-2» полностью обуславливается экономическими и геополитическими интересами страны. В случае успешной реализации «Северного потока-2» произойдет существенное усиление геополитических позиций Германии в Европе, и в этом случае, очевидно, Берлин не только готов пожертвовать Украиной, но и пойти на конфликт интересов с Евросоюзом и США, несмотря на общность евро-атлантических ценностей и стратегических целей. Таким образом, сфера энергетического сотрудничества России и Германии является одной из немногих областей, где возможно эффективное взаимодействие двух стран, несмотря на существующую политическую конъюнктуру.

И еще один важный и обнадеживающий момент. В условиях санкций наглядно проявляет себя своеобразный дуализм, которому подвержена внешнеэкономическая политика Берлина на российском направлении. Речь идет о следовании Германии в фарватере политической стратегии Запада в отношении России (здесь можно говорить о том, что общеполитический тон задает Брюссель, а Берлин лишь играет по заданным правилам) при де-факто определяющей роли Германии в проведении экономической антироссийской санкционной политики ЕС (здесь можно говорить о том, что общеэкономический тон задает Берлин, но это не противоречит стратегическим устремлениям Брюсселя). В экономической сфере, задавая тон подходам ЕС к выстраиванию экономического «взаимодействия» с Россией (санкционная политика точнее определяется словом «деструкция», нежели «взаимодействие»), Берлин, тем не менее, ищет лазейки для поступательного развития выгодных Германии экономических проектов с Россией. Такой избирательный характер внешнеэкономической политики Берлина на российском направлении наиболее ярко проявляется при реализации крайне выгодного для немецких экономических и геополитических

интересов проекта «Северный поток-2», но не только. В условиях антироссийских санкций, реализуемых Западом, в 2014 г. произошло ощутимое сокращение уровня иностранных инвестиций в российскую экономику. Но если говорить о германских инвестициях в экономику России, их существенного сокращения не произошло. В этой связи важным является наличие определенного синергетического эффекта. Речь идет о том, что ориентация российской экономики после 2014 г. на импортозамещение и технологическое развитие соответствует целям немецкого бизнес-сообщества в России, ориентированного по экономическим соображениям на высокую степень локализации производственного цикла на территории РФ. В конечном итоге, совокупность этих экономических факторов позволяет удерживать на плаву и политические отношения двух стран, несмотря на разницу их подходов к ключевым вопросам международной повестки дня.

Список литературы

- Бордачев Т. 2009. Новый стратегический союз. Россия и Европа перед вызовами XXI века: возможности «большой сделки». М.: Европа. 304 с.
- Девятков А.В. 2013. Прагматизм немецкой Ostpolitik: возможности и вызовы для России. Доступ: www.perspektivy.info (проверено 10.01.2018).
- Рар А. 2016. *Россия—Запад. Кто кого?* М.: Изд-во «Э».
- Ремлер Ф. 2011. Безрезультатные переговоры: Россия и Германия не нашли общий язык. — *Московский центр Карнеги*. Доступ: carnegie.ru/publications/fa=52807 (проверено 10.01.2018).
- Gotz R. 2006. Deutschland und Russland — strategische Partner? — *Aus Politik und Zeitgeschichte*. No. 11, 13. Marz. S. 14-23.
- Schroder H.-H. 2016. Eine wertorientierte Aussenpolitik ist Quatsch. — *Russia beyond the Headlines*. 16.02.2016. URL: de.rbth.com/politik/2016/02/16_hans-henning-schroder-es-gibt-keine-grosse-wertedifferenz_565 (accessed 10.01.2018).
- Steinmeier F.-W. 2016. Germany's New Global Role. Berlin Steps up. — *Foreign Affairs*. July/August. P. 106-118.

PISAREV Dmitriy Alekseevich, postgraduate student at the Diplomatic Academy of the Russian Ministry of the Foreign Affairs (53/2 Ostozhenka St, Moscow, Russia, 119992)

FEATURES OF THE GERMAN CONCEPT OF RELATIONS WITH RUSSIA

Abstract. The article analyzes the dynamics of evolution of FRG foreign policy approaches to relations with Russia during the period of Angela Merkel's chancellorship. Special attention is paid to the analysis of the impact of the general strategic approaches of the West to relations with Russia on the eastern policy of Germany. The article shows the basic principles and objectives guiding the Russian direction of Germany's modern foreign policy.

Keywords: German-Russian relations, east policy of Germany, European neighborhood policy, European security, European Union, NATO, principles, human rights, democracy
